

18+ ОЧЕНЬ СРЕДНИЙ КРИЗИС

не очень среднего возраста

*Ирина
Дорфман*

Ирина Дорфман

**Очень средний кризис. Не
очень среднего возраста**

«Издательские решения»

Дорфман И.

Очень средний кризис. Не очень среднего возраста /
И. Дорфман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851747-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Это
художественно-автобиографическая книга о кризисе среднего возраста,
смешная и серьезная, о сиюминутном и вечном, о пути к Богу и поисках себя.
В ней нет сюжета в традиционном понимании. Как лоскутное одеяло, книга
соткана из бытовых зарисовок и внутренних монологов лирической героини.
Как детали мозаики, они соединяются в картинку обычной жизни обычной
мамы-домохозяйки.

ISBN 978-5-44-851747-1

© Дорфман И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Очень средний кризис не очень среднего возраста	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Очень средний кризис Не очень среднего возраста

Ирина Дорфман

Дизайнер обложки Ольга Дорфман

© Ирина Дорфман, 2017

© Ольга Дорфман, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1747-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я обычно не читаю предисловий к книгам, поэтому сначала не видела смысла его писать. Однако апробация книги на людях показала, что предисловие будет нелишним. Хочу честно признаться, что в этой книге нет почти никакого сюжета, поэтому она вряд ли понравится любителям сюжетных текстов. По жанру и стилю книга выросла из многочисленных писем, которые я в свое время писала друзьям и родственникам. Можно сказать, что это и есть такое длинное письмо о нашей жизни. Я писала эту книжку почти 3 года, так что «за время пути» дети успели немножко подрасти. Да и я тоже. В связи с этим хочется предупредить, что мнение автора может не совпадать с мнением автора (в другой момент времени). Как говорил (или не говорил) Лев Толстой, «я не воробей, чтобы всегда чирикать одно и то же». В общем, не судите строго!

Очень средний кризис не очень среднего возраста

*Мне давно известно всё, не исключая смысла жизни,
Видно, потому я и не могу заняться делом.*

М. Щербаков

*«Книги – это переплетённые люди»
приписывается А. С. Макаренку*

Нет у меня никакого кризиса. Он у меня уже был раньше, лет десять назад. Тогда младшая дочь пошла в детский сад, и после 6 лет сидения «в декрете» мне казалось, что жизнь проходит и уже почти прошла стороной. Подруги вышли в люди, а мне срочно надо их догонять.

Теперь я выхожу из очередного «декрета» и вижу, что все как раз наоборот – это у меня жизнь, а у остальных непонятно что. С детьми каждый день то концерт, то контрольная, то праздник, то поход, то еще что-нибудь. А у работающего человека – «работа – дом – работа – могила» (как говорил герой некогда культового фильма «Асса»).

Но все равно какая-то неуловимая тоска присутствует, чего-то не хватает. Вокруг все женятся, разводятся, рожают детей, выпускают книги, меняют работы, ездят на конференции. «А я ем яблоко и смотрю в окно», – как говорил персонаж известного фильма. Не хватает чего-то такого, к чему можно было бы прилепиться душой. Слишком свободна душа, и пугает ее эта свобода.

Охватывает какое-то беспокойство – что останется после меня. Килограммы вымытой посуды? Километры вымытых (и невымытых) полов? Это они дружно промаршируют за мной в вечность и будут моими свидетелями, что жизнь была прожита не зря? Мегабайты написанных писем? Дети останутся? Но они останутся после себя, а не после меня. В том-то и загвоздка, что останется только маленькая, невесомая душа. А что ей нужно, душе этой – неведомо.

Кажется, Симон Соловейчик писал, что пока ребенок маленький, для него мама – самая красивая, а папа – самый сильный. Еще года три мне осталось быть самой красивой.

И как кому-то удастся жить реальной жизнью? Не завидовать, не строить планов, не погружаться в мечты или воспоминания. Просто жить в настоящем. Не постигаю. Боюсь, мне никогда не научиться.

Передо мной в магазине расплачивается покупательница. Продавщица отсчитывает сдачу. Говорит ей: «Секундочку!». И потом для большей выразительности добавляет: «Моменто море». Наверное, она думала, что это то же самое, только на латыни или по-итальянски. Всюду знаки...

Медленно-медленно, незаметно-незаметно созревает душа. Глядя, как бежит вода, как пересыпается песок, как колыхается трава. Ребенок сидит в песочнице, водит лопатой туда-сюда, а душа его как-то растет, впитывает что-то такое, чего не выразишь словами, но оно обязательно нужно ей, чтобы вырасти и зацвести, и принести плод.

Разбирала мешок с непарными носками. Как-то сами собой в голове родились наименования для кучек: «носки страшные» (целые, но грязноватые, припрятать подальше на такой черный день, когда в доме не найдется пары целых носков) и «носки добропорядочные» – полноценные пары чистых целых носков. Кучка на выброс никакого наименования не удостоилась – те, которые были рваными и одиночными. Но было еще некоторое количество промежуточных случаев. Например, один носок вполне «добропорядочный», а другой либо точно такой же, но слегка грязноватый или с маленькой незаметной дырочкой на носке или пятке, либо тоже вполне приличный, но по дизайну и цвету чуть-чуть отличающийся. Из таких носков я тоже создала некие «союзы» и присоединила их к кучке полностью добропорядочных пар. Но все-таки меня терзают смутные сомнения – а смогут ли они ужиться при таком изначальном неравенстве или несхожести? Вот так и с человеческими союзами – бывают изначально полноценные, обреченные на прочность, а бывают с каким-то дефектом с самого начала, «не две пары в сапоге». Смогут ли они ужиться?

Все-таки в жизни очень много загадок. Прочла на входе станции метро «Марьино рошча»: «Часы работы станции: четные дни – 5.35—1.00, нечетные дни 5.40—1.00». Почему в нечетные дни станция открывается на 5 минут позже? И кто замечает эти 5 минут?

В покаянном каноне первый раз обратила внимание на строчки: «да даст ми ум творити волю Его». То есть мы просим не воли, не решимости, не сердца, а именно ума, чтобы творить волю Божию. Значит, прежде всего мы должны ее понять как следует. В предыдущих прошениях этой же шестой песни речь тоже идет об уме: «даждь ми разум творити волю Твою», «даст ми ум знати волю Свою». И только в одном прошении речь все-таки идет о сердце: «даждь ми сердце творити заповеди твои».

Укладывала Колю спать и немножко позавидовала ему – лежит в обнимку с зайцем и еще крепко держит меня за руку. Наверное, чувствует себя в абсолютной безопасности. Такого чувства защищенности потом, выйдя из детства, уже не обрести. Никакая семья, никакой там муж или жена не смогут его дать. Наверное, только в Боге мы можем его найти. Только он держит нас за руку, когда мы ложимся спать. В вечерних молитвах мы говорим каждый день: «Упование мое Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святой». В каком смысле Христос – наше прибежище? Как хижина в лесу? Как гавань для корабля? Как дерево в дождь? Или просто как дом – лучшее место на свете, где всегда можно быть самим собой?

На что похожа постоянная память о Боге? Наверное, немного напоминает постоянное держание в уме любимых людей, особенно детей. Мы делаем свои дела, но при этом всегда помним о том, что они у нас есть. Это какая-то неотъемлемая часть нашей души, эта мысль, эти чувства нас греют и утешают в любой ситуации. Так же и с Богом должно быть по идее. Делаешь свое дело, но держишь в уме и в сердце, что Он есть, и поэтому каждое твое дело имеет смысл.

Когда приезжаем в гости, поселяемся в чужом доме, обычно нам там все чуждо, странно, все как-то не по-нашему. А вот интересно, если бы дано было нам «вселиться в дом Господень», как сказано в 22 псалме, нам там тоже все было бы неудобно, непривычно? Как бы сделать так, чтобы в доме Господнем все-таки жилось хорошо...

Похоже, детоголики действительно существуют. Например, я. Они отличаются от правильных любителей многодетности тем, что им хочется именно МАЛЕНЬКОГО ребеночка. Не просто ЕЩЕ ОДНОГО ребенка, а МАЛЕНЬКОГО. А вовсе не впрягаться в бодягу на 20 лет. Т.е. как со всякой страстью – сначала удовольствие, а потом расхлебываешь.

Насколько все-таки искаженно мы помним все цитаты, даже когда-то запавшие в душу. Вот, например, хрестоматийное: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6.9—6.10). Когда приводят эту цитату, обычно из нее выдергивают блудников, мужеложников и прелюбодеев. Собственно, на этой цитате обычно и строится резко отрицательное отношение к мужеложеству. Но ведь тут же рядом стоят и пьяницы, но их почему-то никто от Церкви не отлучает, и даже как-то не особенно порицают. Да что там пьяницы. Злоречивые! Кто, размахивая этой цитатой, помнит этих злоречивых? Обычно как раз злоречие и происходит при рассуждении, кто наследует Царство Божие, а кто нет. А ведь в этом отрывке апостол хотел сказать вовсе не об этом! Он писал о тяжбах между христианами и осуждал их за мелочность и прочее недостойное поведение. «А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными. И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев. Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют?» (1 Кор. 6.4—6.9). То есть это просто размышления о правильной организации земного внутрехристианского суда, а праведные и неправедные тут просто, так сказать, к слову пришлись. Это не значит, что тут не содержится боговдохновенной истины. Просто мы почему-то привыкли воспринимать ее усеченно, и от этого – искаженно. Просто всякий раз, когда мы захотим порассуждать о праведных и неправедных, нужно держать в уме этих злоречивых и стараться не попасть в их число.

Как бы научиться любить жизнь как таковую? Вот читаю в Евангелии о воскресении мертвых, о вечной жизни, в которой не женятся и не выходят замуж, а живут, как ангелы на небесах. И почему-то не радостно, а как-то грустно. Как-то жизнь в целом не настолько привлекает, чтобы хотелось ее продлить, тем более сделать вечной. Отдельные вещи прекрасны, но что-то основное, самое существенное, что именно делает жизнь жизнью, пока не удалось почувствовать. Часто читала, что в каких-то экстремальных обстоятельствах, перед лицом опасности, болезни, смерти, люди начинают особенно ценить жизнь и лучше ее понимать. Но обстоятельств таких тоже не хочется. И все-таки если нет любви к жизни, значит живу как-то не так, делаю что-то не то.

Смотрю на Колю и вспоминаю вечные детские радости: дуть в чашку с молоком через трубочку, кричать, глядя на небо: «Вертолет!!!». Помню все это, а порадоваться, понятное дело, не могу. Куда это все девается? И что появляется взамен этих бесхитростных удовольствий?

Вечером на даче так уютно светятся окна дома, если снаружи смотреть. Первый раз такое ощущение – уютные окна, а оказывается – мои.

Из всех божественных действий самым непонятным по своей жестокости мне иногда кажется вавилонское смешение языков. Ну, казалось бы, зачем языки-то смешивать? Зачем так много языков на свете? Ведь от этого одни мученья. Ну, был бы на всей Земле один язык, как было бы здорово. Но если подумать, изменение – естественное свойство языка. Все народы, живя достаточно далеко друг от друга и часто изолированные, не могли бы естественным образом сохранить один и тот же язык. А сделать язык неизменяемым теоретически было бы возможно, но это ограничивало бы творческую свободу человека. Все опять упирается в ту же свободу, все зло в мире, похоже, от нее.

Как бы полюбить эту свободу? Ведь свобода всегда чем-то ограничена. Безграничной свободы быть не может. Вот, казалось бы, красивый сад, подобный райскому. И внутри него можно делать все, что угодно. Есть, гулять, петь, плясать, любоваться. Но только в пределах ограды. И золотая решетка вокруг него. И ведь никому не понравится такая свобода. Все будут пытаться через ограду перелезть. Даже если там ничего хорошего нет. Даже если кто-то авторитетный скажет, что там ничего нет. Все равно все будут туда стремиться, и не будет счастья, пока туда не попадут и сами не убедятся, что там ничего хорошего. Таково человеческое свойство, какое-то основополагающее. Как его преодолеть? Непонятно.

Коля спрашивает: «Ну почему, почему мы не можем увидеть Бога?». Не сразу придумываю, что ему ответить. Слишком уж велика разница между нами и Богом. Слишком должен он умалиться, чтобы мы смогли его увидеть. Для наглядности – мы ведь не можем увидеть вирус. Он есть, но увидеть мы его не можем. Но и вирус нас тоже «увидеть» не может, настолько он меньше и ничтожнее нас. И поговорить мы с ним не можем, с вирусом. Вернее, мы можем с ним поговорить, но вряд ли он нас поймет.

Иногда мучительно осознавать себя каким-то «мыслящим тростником». Все вокруг живут чем-то совершенно другим. Очень часто при общении даже с когда-то близкими людьми вдруг ощущаю такую пропасть, будто мы живем на разных планетах. Мне «жить жизнью скучно», как говорил один глуповатый герой глуповатого фильма, произведшего на всех нас большое впечатление в детстве. Скучно жить той жизнью, которой живут соседи, одноклассники, однокурсники и коллеги. Под жизнью хочется понимать что-то совсем другое, что-то важное и вечное. И получается, что и поговорить-то о жизни не с кем. Отсюда и мука молчания, вынашивание каких-то своих, отдельных слов. «А мы все поем, о себе, о ком же нам петь еще?».

Если бы вдруг со мной что-то случилось и стали бы проводить какое-то следствие, наверное, следователи бы пришли в недоумение от содержимого моих карманов и сумок. Сломанная пластмассовая воронка (может пригодиться, чтобы сделать Железного дровосека), обломки метлы (нужно найти на обратном пути палочку и сделать меч), ягоды боярышника (дома сварим компот), бесформенные обрывки бумажек (во время церковной службы ребенок не нашел ничего лучше, как рвать листки из моего блокнота), компактный пиратский кинжал, одинокая целая бахилла (свалилась с ноги в контактном зоопарке), тропари и кондаки мученику Никите (распечатали к прошлому воскресенью, поются раз в год, в следующем году вряд ли нам выпа-

дет петь в этот же день, что с ними делать – непонятно, разве что разрисовать обратную сторону какими-нибудь пиратскими сражениями). В общем, «широко жил партизан Боснюк».

У меня, видимо, все-таки произошел презираемый мной (из презрения ко всей психологии) кризис среднего возраста. Все чаще стали случаться какие-то вспышки, во время которых становится понятно, что все не то. Или что-то не то. Или чего-то не хватает. Призвание, судьба, предназначение... Что-то такое витает над моей головой. Вот умру я, например, и что меня там спросят: «А хорошо ли ты редактировала то, что все равно никто не читал и читать не собирался?» Да нет, конечно. Наверное, меня спросят: «А любила ли ты тех, кто был рядом с тобой?» И я честно отвечу, что любила, и даже очень. Но потом меня спросят: «А что же ты делала из любви к ним?» И тут мне будет трудно ответить. Я их терпела. И зашивала носки. И варила суп. И зарабатывала деньги – сидела с бессмысленными бумажками, с ноутбуком, все время что-то редактировала. И все это я делала плохо. С криками, слезами, скрежетом зубным. Из-под палки. А хотелось мне в это время писать и писать. И чтобы суп варила домработница. А в кружок ребенка водила бы няня. А рваные носки вообще выкидывать. И никуда не ходить. А смотреть в окно и ждать вдохновения. И делать только то, что я умею, а другие не умеют. А что другие лучше умеют, пусть они и делают.

Только вот что толку? Ну, напишу я книгу. Допустим, даже хорошую (оба предположения достаточно фантастичны). И что я с ней сделаю? Да ничего не сделаю. Просто напишу и успокоюсь. Может, даже издам и подарю друзьям и родственникам, и тогда уж окончательно успокоюсь. И пойду заниматься тем, что Бог посылает.

Прочитала книжку Франсуазы Малле-Жорис «Бумажный домик». Необычное ощущение. Как будто на свой портрет смотришь. Никогда я не читала книжек, настолько близко отражающих мою жизнь. Не вообще жизнь, общечеловеческую. А именно этот частный случай. Портрет женщины-христианки на фоне враждебного антихристианского мира. Портрет многодетной матери, разрывающейся между заботами о детях и творчеством или работой (что в ее случае почти одно и то же, а в моем нет). Попытки осмыслить это все в комплексе – что я могу дать детям не как насадка, а как личность, чему я могу их научить именно в нынешних условиях. Там, конечно, очень много наивного, сейчас уже не очень актуального. То, что для француженки 70-х годов было открытиями (социальная несправедливость, захватнические войны) сейчас как-то уже не потрясает воображение, как-то к этому все давно привыкли. Частные детали, конечно, тоже сильно отличаются. Скажем, с занавесками и лампочками у нас все более или менее благополучно, а помощниц по хозяйству, слава Богу, пока никаких не было, но общее ощущение полной невозможности победить быт и подчинить его себе там очень точно передано. И решение сдаться и просто жить параллельно этому мне тоже близко. И даже возникло ощущение, что я пишу точно такую же книжку. С той только разницей, что при всем сходстве все люди настолько разные, что и автобиографические книги при всей общности посылок получатся совершенно разные.

Из всего, чему меня учили в университете, я лучше всего запомнила фразу, которую любила цитировать Анна Константиновна Поливанова: «Выбор – это всегда отказ». Только не помню, ни к чему она это говорила, ни кого цитировала. И вот наконец-то встретила фразу, по смыслу похожую (надеюсь, это и есть ее первоисточник): «Мы обречены делать выбор, и каждый наш выбор – это необратимая потеря» (Исайя Берлин). Хотя у Поливановой было как-то проще и понятней. Так вот, я представляла себе это как выбор из тысячи прекрасных возможностей и необходимости отказа от 999 из них. А сейчас мне кажется, что каждый

выбор – это отказ от мечты в пользу реальности. Мечтаешь об одном, а приходится соглашаться на другое, на синицу в руках.

Надеюсь, я встала на верный путь к порядку в доме. Давно я стала задумываться, как бы победить стихию домашнего хозяйства и подчинить ее себе. И читала соответствующую литературу. Наиболее прогрессивным в этой области считается подход под кодовым названием «флай-леди». Долго объяснять, почему он так называется и в чем там точно дело. В общем, все у этих флай-леди выглядело так заманчиво. Главная идея – не запускать хозяйство, рационализировать его, разделить все необходимые повторяющиеся операции на дневные, недельные, месячные порции и делать в каждый день заранее запланированные вещи, и тогда хозяйство будет идти легко и плавно, как бы само собой.

Особенно меня привлекал рациональный подход, потому что это моя слабость. Я очень верю в силу человеческого разума. В то, что с его помощью можно много чего добиться, преодолеть трудности и избежать ошибок.

Вот тут-то и кроется подвох. Потому что приложить разум к домашнему хозяйству нельзя в принципе. Если быть до конца логичным и последовательным, не нужно вообще вести никакого хозяйства. Потому что это заведомо бессельная и бессмысленная деятельность. У нее нет никакого осязаемого результата. Сколько бы раз беспорядок в нашем доме не сменялся порядком и обратно, в конце концов мы все покинем этот дом, да и этот мир, да и дом наш тоже не вечен.

Поэтому доводить мысли о порядке до их логического конца категорически не следует. А следует довести ровно до того места, где утверждается, что порядок лучше беспорядка. Остановиться на этом, вдохновиться и ринуться в бой.

И вот тут подстерегает вторая опасность. Чтобы порядок было легко поддерживать, он должен быть наведен. А чтобы его навести, нужно **ОЧЕНЬ** много времени. И пока его не наведешь, нечего поддерживать. К тому же распланировать свою жизнь на недели и месяцы вперед нет никакой объективной возможности. Потому что по не зависящим от меня причинам возникают все новые и новые срочные дела, отодвигая старые на неопределенный срок. Так я опытным путем поняла, что флай-леди из меня не выйдет. Никогда.

И тут пришел на помощь метод тайм-менеджмента под кодовым названием «как съесть слона». Суть его в том, что слишком большую задачу нужно разбить на много мелких. Таким образом, глобальная задача навести порядок в отдельно взятой квартире в каждый конкретный день приобретает примерно такие очертания: разобрать ящичек с носками и бельем. А это уже сущие пустяки. Таким образом мне удалось «съесть» уже несколько «кусочков слона».

Неплохо, очень неплохо. Главное – не думать о зеленой обезьяне. О том, что все равно мы все умрем.

Вообще-то в последнее время они слишком расплодилось – эти зеленые обезьяны, о которых лучше бы не думать. Целый зеленый зоопарк или даже джунгли. Надо бы уже какой-то отстрел разрешить, что ли.

Редактирую статью про писателя Пантелеймона Романова. Любопытный факт из его биографии: «В 1920 году Романов – педагог-воспитатель Детской колонии им. А. А. Луначарской, преподавал литературу и так называемую науку зрения – умение смотреть на окружающие вещи, через внешнее, видимое вникать в их суть, во взаимосвязи между явлениями». Да, наука зрения нам всем явно бы не помешала.

Что объединяет меня сейчас со мною же лет 20 или даже 30 назад? Может ли быть что-то общее? Наверное, жажда потрясений, подвигов, стремление к чему-то за пределами обыденности, к жизни насыщенной, к существованию на пределе возможностей и проявлению лучших качеств. Я жалела в детстве, что война уже давно кончилась. По фильмам она представлялась не горем и ужасом, а праздником духа, торжеством высшего над низшим, апофеозом взаимопомощи и всеобщей любви. По сравнению с этим обычная жизнь была бесконечно скучной. Сейчас я больше люблю «обычную» жизнь, но и теперь мне не хватает чего-то более глубокого, что должно освещать ее изнутри, придавать ей радость и смысл. Конечно, христианство, которого я была лишена в детстве, дает ответ на подобный запрос. Но ответ этот слишком общий, хочется каких-то более частных целей, чем спасение души, святость, богопознание. Это все прекрасно, но слишком непонятно. Получается, что всего этого можно достичь, честно выполняя свои повседневные обязанности, живя своей собственной жизнью: растить детей, помогать мужу, работать, молиться, читать Библию, ходить в церковь, всем помогать и никого не обижать. Вроде бы правильно и просто, а всё кажется, что должно быть что-то еще...

Хорошие названия водевилей писателя В. Соллогуба: «Букеты, или Петербургское цветобесие» и «Беда от нежного сердца». Особенно слово «цветобесие» прекрасно.

К чему стремиться в первую очередь – к тому, чтобы что-то от тебя осталось на Земле, или самому остаться в вечности. Казалось бы, это взаимосвязано – если ты делал добро, приносил пользу людям, то ты полноправный гражданин двух миров – земного и Небесного. Но часто эти вещи вступают в конфликт. Например, вот есть у тебя час времени. Можно сварить суп и пропылесосить квартиру. А можно написать пару заметок, которые ты делаешь для себя, для души. Заметки, возможно, останутся после тебя. А суп и порядок в доме уж точно не доживут даже до послезавтра.

Ты – человек долга, поэтому ты выбираешь суп. Но тебе кажется, что ты губишь свою жизнь. Растрачиваешь драгоценное время на ерунду. На то, что исчезает в тот же день, не оставляя следа. Подвести итог – что ты жила, что не жила, все едино. Ладно бы ты хозяйка была хорошая, так нет же – отвратительная. Дети школьную еду предпочитают домашней!

Но фокус в том, что теряя время ты как раз приобретаешь вечность. Что бы ты там не написала, ты это с собой в вечную жизнь не возьмешь! И в этом смысле твой рассказ несколько не ценнее супа, и не намного его долговечней. Зато рассказ ты пишешь для себя, чтобы не исчезнуть, не раствориться в потоке жизни, а зафиксировать в ней себя и свои ощущения. А суп ты варишь для других. И рассказом ты свою душу только выражаешь, ничего в ней не меняя. А супом ты ее совершенствуешь.

Это как монашество. Монахи ведь не делают ничего полезного в практическом смысле. Они просто молятся и занимаются нехитрыми хозяйственными делами. Они, конечно, могут еще и проповедовать, издавать книги, устраивать приюты, навещать заключенных, заботиться о бездомных и т. д. То есть они могут еще делать кучу добрых дел, но главное их дело – борьба со страстями. Пока ты не победил себя, ты ничего не сделаешь для других. «Что толку тебе, если весь мир приобретешь, а душе своей повредишь». Тут не о разумном эгоизме речь, а о том, что душа – единственное, что у тебя в этом мире по-настоящему есть. Единственное, что тебе поручено сберечь и преумножить. Все твоё богатство. Ты как сторож при душе своей. Не любить себя нужно (за что, в самом деле, меня любить?), не заботиться о себе (пусть другие заботятся, если им так надо), а только охранять. Зная, что и это на самом деле не твое. А придет хозяин и спросит: «Вот, я давал тебе душу чистую и непорочную. Давал оружие,

чтобы ее охранять – здоровое тело и здравый смысл. И когда тебе было трудно, ты всегда мог позвать на помощь. Так почему же ты эту душу не уберег? Почему она вся такая грязная и потрепанная? Куда ты ее таскал, что ты с ней делал? Может, кто-то завладел ей и делал с ней, что хотел? Может, она валялась без присмотра, а ты развлекался в это время? Может, ты ее не мыл, не кормил, отдыха ей не давал? А если кормил-поил, так только гадостью всякой?».

А что я отвечу? А я промолчу, как всегда...

Приступая в пятый или шестой раз за день к мытью пары чашек-ложек-тарелок, поймала себя на мысли: «Неужели я действительно когда-нибудь научусь делать это автоматически, и у меня на кухне будет вечный порядок?».

Жизнь – забег на длинную дистанцию, это всем понятно. Бегать я ненавижу, как и плавать, как и вообще всякие бессмысленные телодвижения, и когда мне кто-то рассказывает, как он любит бегать (плавать и далее по списку), у меня всегда такое ощущение, что этот человек надо мной жестоко издевается или во всяком случае смеется. Но из тяжелого школьного детства я помню это ощущение – бег на 2 километра, например. Причем ты можешь не бежать, можешь идти или хоть ползти, но ясно, что пока ты не преодолешь каким-нибудь способом это расстояние, от тебя не отстанут. Поэтому ты все-таки как-то бежишь, надеясь, что так эта попытка закончится быстрее. И второе дыхание действительно часто открывалось. Мне до сих пор трудно в этот факт поверить, потому что он противоречит повседневной логике. Дыхание сначала есть, потом его нет, откуда оно может опять взяться? Таких довольно много в жизни вещей, про которые в книжках читаешь и не веришь, думаешь: «точно вранье». Ну, например, что купаться в ледяной воде на Крещение или в каком-нибудь святом источнике на самом деле не так уж холодно и вовсе не противно, а очень даже приятно. Я не купалась, и я до сих пор не верю. Или в то, что бывают кризисы. В развитии человека или в семейной жизни. То есть что было все хорошо или хотя бы нормально, потом вдруг резко и без всякой видимой причины стало все плохо («наступил кризис»), а потом вдруг каким-то чудесным образом все опять стало хорошо. В этом я тоже не купалась, и в это я тоже не верю. А во второе дыхание тоже не очень верю, но точно помню, что оно было. И исходя из этого опыта хочу надеяться, что в марафонском забеге по жизни тоже откроется второе дыхание. Вот-вот уже откроется, я чувствую. Осталось совсем чуть-чуть.

Ехала в субботу рано утром петь утреню с литургией и подумала, что, наверное, я сейчас единственный человек во всем этот поезде, на всей этой станции, который проснулся в такую рань добровольно, а не по необходимости. А, может, и не только в метро, а и во всем городе таких немного наберется. Свободных и счастливых людей, делающих то, что они хотят. Дети не в счет, разумеется.

«Претерпевший до конца спасется». Проблема в том, что мало только терпеть. Если бы не дети! Эх, если бы не дети! Как бы было легко жить. Терпи себе, и все дела. А тут надо еще чего-то хотеть, к чему-то стремиться, чего-то добиваться, к чему-то вести и призывать. И вдохновлять. И понукать. И помогать. Тут терпением явно не отделаешься. Но и терпеть тоже!

Интересно, когда-нибудь я научусь с первого раза правильно печатать слово «соответственно»? Всегда пропускаю вторую «т». Четыре согласных подряд не укладываются в голове.

Апостол Павел предупреждает нас: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших» (Послание к Ефесянам, 4.29). Как это правильно! И как трудно этому следовать.

При всем моем равнодушии к вещной стороне действительности, какие-то простейшие бытовые предметы иногда вдруг глубоко проникают в душу и цепляют там какими-то неведомыми крючочками какие-то потайные струны. Вот, например, вешалка с уточками. Плечики для детской одежды, и там внутри, между верхней и нижней палками, вырезана утка с утятами. И столько вдруг она вызывает в памяти всего! Пионерское детство. Утро, в шкафу на вешалке коричневая колючая форма, а на ней еще черный фартук и красный галстук. Впрочем, галстук, кажется, на специальной палочке на дверце шкафа. Непередаваемая смесь ощущения начала жизни, радости этого начала, и унылости этой жизни – школа, уроки, однообразное томление и скука, а с другой стороны, вдруг спросят на уроке – вообще ужас. В общем, детство то самое, золотое, о котором столько всего написали другие, и о котором я стараюсь не вспоминать. Но вот так взглянешь на вешалку – и невольно все вспомнишь. Нет, я ни за что ее не выкину. Как хотите, ни за что.

Слово «вечный» обычно ассоциируется со словом «бесконечный», «тот, который никогда не кончится» (вечная любовь, вечные разговоры, вечные муки), и от этого в сочетании «вечная жизнь» слышится какая-то обреченность. И только в некоторых словосочетаниях появляется такой смысл: «крепкий, надежный, который никогда не сломается» (вечное перо, например). И этот оттенок гораздо лучше подходит к словам «вечная жизнь» – жизнь настоящая, подлинная, такая, какой должна быть. А ее протяженность во времени не так уж важна на самом деле.

Ребенок категорически отказывается играть по правилам. Я тоже не то чтобы так уж люблю правила, а уж тем более по ним играть. В целом я предпочитаю действовать по-своему. Но чтобы вот так, совсем? Кто бы мне сказал лет 25 назад, что я буду расстраиваться от того, что мои дети недостаточно нормальные, ни за что бы не поверила. Может, их и вовсе не существует, этих нормальных людей? Так, очередная фикция, мечта...

Диалог из фильма «Эта прекрасная жизнь»:

– Знаешь, какие три самых волнующих звука на свете?

– Сигнал на завтрак, на обед и на ужин?

– Нет. Рев самолетного мотора, звон якорных цепей и свисток паровоза.

Зачем мы наблюдаем чужие жизни, если мы все равно не можем их правильно понять? Видим поступки, но не знаем их причин. Видим наказание, но не знаем, за что оно. Завидуем хорошему, но не догадываемся о плохом. Зачем нам все это, если мы не можем этого понять, не можем получить никакой пользы от этого? Если хорошо разглядеть мы можем только свою собственную жизнь, да и то понять ее сможем, дай Бог, только тогда, когда она подойдет к концу? Для соблазна нам это? Или все же для смирения? Может, только жития святых читать, а остальное – от лукавого? И ходят вокруг люди-загадки. Как книги на непонятном языке. Картинки красивые, а о чем речь – не разберешь. Как говорил лев у Любиса: «Я рассказываю каждому только его историю».

После нескольких дней, проведенных в гастроэнтерологическом отделении детской больницы, начинаешь относиться к работе пищеварения у ребенка со священным трепетом.

Почему-то с возрастом различия между людьми начинают восприниматься более драматично. Раньше как-то не так сильно поражало, до чего же все люди разные. Я ощущала, что большинство людей вокруг не такие, как я. Но при этом чувствовала принадлежность хоть к какой-то группе. Пусть к меньшинству, но к группе. Верила в то, что я не одна такая. В свою принадлежность к интеллигенции, к евреям, к пионерам, к школьникам, к студентам. К тем, кто любит читать. Кто любит музыку. Любит детей и зверей.

А сейчас, даже когда я общаюсь с некогда близкими людьми, меня не покидает ощущение, что все мы живем на разных планетах. Вот планета тех, кто против прививок и детских садов. Планета тех, кто ходит каждый день на работу. Планета бездетных. Планета тех, у кого Бог в душе. Планета автомобилистов. Планета жителей Подмосковья. Рядом с ней огромная планета тех, кто любит жить на даче. Далекая планета тех, кто вообще готов жить за пределами России. Маленькая планетка людей, у которых нет ЖЖ и фейсбука. Вот еще вымирающая планета – ее обитатели пишут ручкой на бумаге, а потом набирают это на компьютере.

И за всей этой астрономией я не могу разглядеть жителей своей собственной планеты. Казалось бы, я принадлежу к куче множеств, каждое из которых очень многочисленно. Православные христиане. Многодетные матери. Домохозяйки. Замужние женщины. Графоманы. Книголюбы. Москвички. Любители путешествий. И даже любители церковного пения. Но где же, где же еще люди, находящиеся на пересечении этих огромных множеств? Почему я не вижу ни одного вокруг себя?

Ура! Вечер без мультиков. Мальчик весь вечер нанизывал на нитку бусы.

И эту кофту в шкаф, и эти носки в ящик, и эту ветровку подальше на зиму. Три – ноль в мою пользу. У одежды нет никаких шансов.

Идем из детского сада вечером. Темно, как зимой, но при этом тепло, как в середине осени. В общем-то, это и есть середина осени, просто время только что перевели, и поэтому непривычно темно вечером. Сухие листья на ветках, вдалеке луна. Ребенок что-то изображает в области звуков, минут через пять я понимаю, что он марширует, а звуки – это «труба, играющая марш», «ту – ту-ту-ту-ту – ту-ту-ту!». А ведь могла бы сейчас идти домой из какой-нибудь редакции. А дома бы никто не ждал. Если бы не вышла в свое время по глупости замуж. Вот где ужас-то настоящий!

У дедушки в мемуарах упоминается его бывший коллега, который умер в 97 лет, и то не от старости, а от травмы (упал на улице), и успел отметить со своей женой «Благодатную» свадьбу – 70 лет совместной жизни. Не знаю, может, это я так по молодости рассуждаю, но как-то не могу им позавидовать. Все-таки жизнь слишком тяжелая вещь, чтобы хотеть ее продлить. Я не понимаю этого пафоса – «жизнь прекрасна, жить бы еще и жить, хоть до 100 лет». Бывают, конечно, отдельные прекрасные мгновенья, но не так они прекрасны и не так часто бывают, чтобы ради них стоило мучиться. Наверное, это не правильный и тем более не христианский подход, какое-то искажение христианского стремления к вечному загробному блажен-

ству, но у меня все-таки такое чувство, что тут мы какой-то срок отбываем. Можно, конечно, как-то скрасить это время, постараться сделать его менее ужасным, чем могло бы быть, постараться потратить его с максимальной пользой для себя и для других, но сути это не меняет – настоящая жизнь и настоящая свобода ждет нас только после выхода из этой темницы, за пределами земной жизни. А пока мы можем на эту волю только в окно смотреть, или даже в щелочку. Только свет к нам проникает через форточку зарешеченную. Только звуки какие-то отдаленные и приглушенные, только запахи долетают. И мечтать продлить дни этого заключения или радоваться за кого-то, что ему это удалось, кажется мне безумием. То есть можно порадоваться, что для стариков это не так, и жизнь им не в тягость, что они смогли найти в ней что-то хорошее. Может, она и правда потом как-то легче становится? Может, как в названии советского фильма, «трудно первые 100 лет»? То есть не сто все-таки, ну, лет 50—60, а потом выходишь на пенсию, и, как Печкин, «жить начинаешь»? Не знаю, верится с трудом.

Интересно, наверное, быть представителем какого-нибудь очень маленького народа. Особенно выдающимся представителем. Вот, например, единственный нивхский писатель Владимир Санги. Жил себе в Москве, писал книжки. Потом вдруг стал вождем каких-то родов.

«Вернулся на Сахалин, в 1993 избран вождем родов Кет (Кетнивгун) Восточнобережного Сахалина и бассейна реки Тыми. Член Международной Лиги защиты прав и свобод человека при Экономическом и социальном Совете ООН».

У больших народов вождями становятся, как правило, негодяи. А маленький народ может себе позволить в качестве вождя поэта.

Какие хорошие стихи:

«Никому не дано сосчитать небеса.

Ни числа, ни конца, ни начала им нет:

Где-то боги живут, где-то дремлет гроза,

Где-то души усопших не ведают бед».

Это из поэмы «Человек Ых-мифа». И название какое прекрасное!

– Мама, а Деда Мороза тоже Бог создал?

Я даже немножко растерялась. С одной стороны – да, конечно. А кто же еще? А с другой стороны, его ведь все-таки на самом деле нету. Т.е. получается, что я на Бога некоторую напраслину возвожу. Тем более что вопрос этот вполне логичен – зачем, спрашивается, Богу создавать Деда Мороза, если все эти чудеса, эти подарки он и Сам мог бы детям делать и дарить? Разве что как помощника себе, но мне это как-то в голову сначала не пришло. Ответила «да». Все-таки признаться четырехлетнему ребенку, что Деда Мороза не существует, я пока не готова. Тем более что он мне все равно не поверит. Как не верит в несуществование Бабы Яги, Кощея Бессмертного и даже черепашек ниндзя, про которых я ему не разрешаю смотреть мультики, но он все равно точно знает, что они существуют. И даже приводит неоспоримые доказательства:

– А знаешь, черепашки ниндзя все-таки бывают!

– Откуда ты знаешь?

– А мы вчера в садике видели возле дерева маленькое оружие от черепашек ниндзя!

Что я могу на это возразить?

Когда-нибудь я стану старушкой. И смогу вот так сидеть, наблюдать жизнь вокруг себя. Как стая голубей кружит над крышами. Как облака плывут по небу. И тогда я наконец-то не буду думать, что трачу время. А пойму, что использую его как раз по назначению.

Оставим мечты о нормальности и здравомыслии. Не бывает нормальных, здравомыслящих людей, просто нет их! Каждый человек хоть чуточку, да странен. У каждого есть такие увлечения и пристрастия, которых большинству окружающих его людей никогда не понять. А если мы ничего о них не знаем, значит, он просто их скрывает. Кто-то бродит по магазинам в надежде встретить там что-то необыкновенное, кто-то расшифровывает письма людей, умерших сто с лишним лет назад, кто-то пытается возродить средневековое церковное пение, кто-то просто пишет кучу ерунды в блоге. Бесполезно искать в своей или чужой деятельности какой-то смысл. Может быть, он есть и станет со временем виден. А может быть, и нет его. Бросим попытки заменить то, что не имеет явного и рационального смысла тем, что, казалось бы, имеет. Как говорится, «художник, иди своим путем!». И ни на кого не смотри.

Если бы я захотела, подобно флай-леди, составить список своих «ежедневных рутин», т.е. таких дел, которые мне, как домохозяйке, приходится проделывать каждый день, это список был бы очень длинным и местами довольно смешным. Вот только часть его:

- разбудить Колю, одеть, накормить и отвести в сад
- купить продукты
- разложить купленные продукты по местам
- застелить четыре постели
- 5 раз (или больше, верхней границы нет) убрать все с кухонного стола и вымыть одиноко стоящую в раковине тарелку и чашку
- засунуть в Танин шкаф то, что валяется вокруг него
- сложить аккуратной стопочкой учебники и тетрадки на двух письменных столах, а в идеале – расчистить немножко места на Колином столике, отсортировав ненужные бумажки и картонки от игрушек и ценных поделок
- унести все чашки со всех письменных столов (и вымыть)
- собрать валяющуюся грязную одежду и отнести ванную
- запустить стирку
- снять с сушилки высохшее белье и разложить по шкафам
- развесить мокрое белье
- собрать под кроватями тапочки (найти пару!) и отнести в коридор
- убрать на места шапки, шарфы, варежки и ботинки, в которых вчера кто-то ходил, а сегодня решил надеть другие
- убрать мешки с ненужной сменкой, кроссовками, физкультурной формой
- сложить в ящик все колины карнавальные костюмы и в специальное ведро – все шпаги и прочее холодное оружие
- собрать мишек и зайчиков, рассадить на местах
- приготовить обед и ужин
- забрать Колю из сада
- проверить Ксюшино домашнее задание по английскому языку
- сделать с Колей домашнее задание для кружка «Грамотей» и что-нибудь из развивающих заданий, заданных в группе на выходные (в выходные, понятное дело, не до того)
- найти красную ручку, чистую тетрадку, уникальную расческу, физкультурные штаны и т. д. (подставь любой предмет)
- почитать вечером сказку

А флай-леди предлагала на рутины (ежедневные домашние дела) тратить по 15 минут в день. Ха-ха! За это время только тапочки и чашки соберешь.

Наша комната почти полностью занята большим двухспальным диваном, поэтому ребенок часто играет не на полу, а на диване. Строит башни и пещеры из одеял и подушек. Вечером перед сном приходится долго выковыривать из постели бусинки, половинки матрешек, проволочки, неработающие часы и прочие нужные вещи. Чувствую себя жителем страны детства – радостной, сказочной и немножко сумасшедшей.

Утром по дороге в садик стали часто встречать белку. Даже купила специально для нее фундук и ношу в кармане. Но белка оказалась не ручная, есть наш фундук не стала. Или сытая. Похоже, у нее время завтрака примерно совпадает с садовским, а на дереве там кормушка висит. Один раз смотрим – шерсть какая-то серая валяется. «Белку съели!» – предположил ребенок (в прошлый раз видели, как кошка за ней погналась). Мне не хочется верить, что белку съели. «Нет, это просто собачка тут линяла, шерсть длиннее, чем у белки». Сегодня опять встретили. Уф, значит все-таки не съели!

Апостол Павел пишет о наказаниях (Евр. 13) и сравнивает земную и Божественную педагогику: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности».

Может показаться, что он за строгость, за жестокость, вообще за наказания. Но если взять шире, он просто отмечает, что как Господь регулирует поступление к нам тех или иных жизненных благ, так и родители могут и должны это регулировать так, чтобы в этом был какой-то смысл и какая-то польза для детей. Нет речи о физическом наказании. Речь о том, что у каждого поступка есть последствия. В том числе у неблагоприятных поступков последствия заключаются в гневе родителей в детстве и в гневе Бога в зрелом возрасте. Как дети боятся огорчить или прогневать родителей, так взрослый должен бояться огорчить, а тем более прогневить Бога. И если уж с ним произошло что-то плохое, он должен понимать, что это не бессмысленная жестокость, а результат его дел или даже слов или мыслей, но что это плохое может пойти ему на пользу в будущем.

Ребенок философски осмысляет действительность:

- А зачем Бог создал болезни?
- А зачем Бог создал людей?
- А зачем Бог сделал так, чтобы мы различали запахи?
- А зачем Бог сделал так, что рыбы не могут разговаривать?
- А зачем Бог создал девочек?
- А зачем Бог сделал так, что люди устают?
- А зачем Бог создал зиму?
- А зачем ангелу скромность?
- А зачем Бог создал волков?

И это только за 2 дня. Мне сильно не хватает богословской подготовки.

Поняла, почему мне всегда казалось, что лучше выходить замуж рано, около 20 лет. Не только потому, что так делали все в нашей семье, включая меня. В психологии и педагогике есть такое понятие «сенситивный возраст» – возраст, наиболее подходящий для обучения чему-то. Катанию на велосипеде, чтению, плаванию, завязыванию шнурков и т. д. Т. е. примерно в этом возрасте мозг человека оказывается готовым к восприятию определенной информации. Так вот, возраст около 20 лет мне кажется наиболее подходящим для «обучения семейной жизни». Молодой человек еще достаточно чувствителен для этого. Готов любить кого-то, видеть во всем положительные стороны, готов приспособливаться к другим людям и т. д. Потом это все куда-то уходит. Может быть, у кого-то и сохраняется (бывают же вечно молодые душой, бывают и слишком инфантильные), но в норме, как мне кажется, потом эти свойства уменьшаются. Психологически, кстати, люди и гораздо раньше готовы к браку, но при этом не готовы, так сказать, материально и социально – нет образования, нет возможности жить самостоятельно.

Интеллигентный мальчик ругает сестру так: «Ты ведьма! Горгона! Снежная королева! Ты тролль!» (последнее – это персонаж такой в «Снежной королеве», а не то, что вы подумали).

Ненавижу фразы типа «вызовы времени» и «разрыв шаблона». Это какой-то интеллектуальный жаргон. А жаргоном надо уметь пользоваться, чтобы это не звучало слишком отвратительно. С другой стороны, в самом жаргоне меня тоже много раздражает. Например, «респект» (и особенно часто сопутствующая ему «уважуха»). Но даже без «уважухи» респект все равно невыносим. Будь я цензором, я бы все это позапрещала, и еще много чего. Еще слово, которое для меня «нон грата» (не могу не только писать, но и читать спокойно) – «обнимашки». Ну, не нравятся вам «объятия», не пишите про них или постройте фразу по-другому.

В деловой переписке тоже есть некоторые «маркеры», говорящие о человеке больше, чем он хочет. Например, слово перед именем. «Дорогая» в деловых письмах мне, к счастью, не встречалось. А вот «многоуважаемая» – бывает. Для меня это типичный признак выпендрежа. Если человек просто хочет проявить вежливость, он напишет «уважаемая» и закончит «с уважением». Меня немного смущает этот повтор, особенно в коротких письмах, но я не вижу способа его избежать. Если человек хочет как-то выделяться, лучшее завершение, которое мне встречалось, было таким: «с уважением и самыми добрыми пожеланиями». Это было и нестандартно, и достаточно задушевно. А вот просто «с добрыми пожеланиями» выглядит совершенно дико. Потому что ясно, что это калька с английского, и ничего больше. Тем более, если отношения наши с адресатом чисто «протокольные», практически ничего личного в них нет. Зачем тогда мне его пожелания или ему, например, мои? При чуть более неформальных отношениях я вместо «с уважением» пишу «всего доброго», и это вполне выражает всю мою гамму чувств.

Похоже, он хочет сделать из меня совсем другого человека. За один сегодняшний день пришлось сделать скипетр, державу и волшебное зеркало для Снежного дракона и 5 сосулек, украшенных снежинками. А уж произведений за месяц так сразу и не вспомнить – картонный дом для русалки с загадочной надписью «русалка сильная и страшная», костюм Снежного дракона, Рождественский календарь с вертепом и Вифлеемской звездой, которая каждый день передвигается и приближается к Рождеству (впрочем, передвигать ее мы забываем), раскраску с лошадьми, снежинки, звезды и елочки для украшения дома. Научилась рисовать еди-

норога, Богородицу, Иоанна Крестителя и восьмиконечную звезду. Конечно, немножко жалко расставаться с тем, что я всегда считала частью своей натуры (я не рукодельница, у меня руки не из того места растут, я все это не люблю). Надеюсь, когда у меня появятся внуки, требование нарисовать единорога или срочно сделать корону не будет вызывать у меня ни замешательства, ни возмущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.